

Евгений Гребень

Устные источники о нацистской оккупации Беларуси

В белорусской исторической науке устной истории уделяется крайне мало внимания, несмотря на то, что очевидцы многих трагических событий истории XX века еще живы. Воспоминания очевидцев нацистской оккупации являются исключительно ценным источником в условиях некомплектности архивных материалов по некоторым районам и отдельным волостям оккупированной Беларуси. Архивные документы не дают возможности реконструировать локальную историю, а относительно отдельных регионов альтернатива устным источникам отсутствует. К тому же архивные источники периода нацистской оккупации — это, как правило, административная переписка органов коллаборационистской администрации, за которой не всегда видна повседневная жизнь граждан. По ним можно судить о политике оккупационных властей, но не всегда — о ее эффективности. Воспоминания простых людей помогают получить представление об оккупации, реалиях оккупационной повседневности. В реферате использованы воспоминания жителей, проживавших в период нацистской оккупации в северо-восточной части Витебской области. Воспоминания записаны автором в 2007–2009 гг. Опрашиваемые граждане 1918–1933 года рождения, крестьяне, на момент оккупации имели образование 4 класса или учились в начальной школе.

Начало войны ассоциировалось со страхом, неуверенностью. Большинство вспоминает проходящие части вермахта спокойно. Как правило, в деревнях надолго они не задерживались, и в первые месяцы оккупации, до начала массового партизанского движения, репрессий со стороны немцев не последовало. В воспоминаниях немцы фигурируют в хорошем обмундировании («в кино только таких показывают, победитель всегда выглядит красиво») [5]. Упоминаются реквизиции продуктов питания, хотя отдельные опрошенные говорят и о том, что немцы просили продукты или выменивали их [1, 6, 7]. Надолго в населенных пунктах они не задерживались, в первый год оккупации появлялись sporadически. Первые контакты с расквартированными солдатами вермахта, как правило, происходили у детей. Детское любопытство выливалось в обменные операции с немцами, иногда в воровство продуктов [3].

Первое время повседневность изменилась мало, люди просто занимались сельским хозяйством. Были ликвидированы колхозы, разделены

земля и скот. Несмотря на дефицит промышленных товаров, в первый период оккупации люди, как правило, еще не голодали. Изредка удавалось сходить в ближайший город на базар (с развитием партизанского движения выход населения из партизанских зон усложнился), однако доставать промтовары было крайне сложно. Некоторые гнали самогон, чтобы поменять его на необходимые промтовары. Медицинская помощь для большинства граждан была недоступна, болезнь переносили на ногах. В условиях дефицита медикаментов, предметов гигиены настоящим бедствием стали чесотка, тиф [1, 3, 4, 9, 10].

Достаточно фрагментарны сведения о представителях коллаборационистской администрации. Практически невозможно определить структуру органов власти, систему налогообложения по причине того, что большинство опрошенных граждан проживало в местности, подконтрольной партизанам, где оккупационная администрация либо не функционировала, либо функционировала sporadически. Восприятие сотрудников коллаборационистской администрации и полиции варьируется от нейтрального до негативного. В некоторых случаях сельский староста или волостной бургомистр описываются как такая же жертва нацистского режима, как и остальные, как лицо, вынужденное исполнять свои обязанности по приказу оккупационных властей. Некоторые опрошенные упоминают практику поочередного исполнения обязанностей старосты всеми мужчинами деревни, что страховало их от мести партизан. В других случаях главы администрации или полицейские запомнились как исключительно жестокие люди, причем некоторые опрошенные отмечали, что они до войны не пострадали от советских репрессий, и их поведение нельзя рассматривать как месть советской системе. Полицейских помнят все. Они были или в своей, или в соседней деревне. Часть опрошенных вспоминает их исключительно негативно («были хуже немцев», «звери»), другие ничего плохого не говорят, рассматривая их как заложников обстоятельств. Негативную оценку дают им жители из деревень партизанской зоны, откуда в полицию практически никто не вступал, и с полицейскими местному населению приходилось встречаться лишь в ходе карательных операций. В некоторых воспоминаниях содержатся сведения о мобилизации старост и полицейских в армию после освобождения Беларуси; после войны все они получали различные сроки заключения независимо от заслуг на фронте в составе Красной армии или лояльного отношения к людям в годы оккупации [3, 4, 6, 7].

Устные источники дают информацию о действовавших в регионе вооруженных коллаборационистских формированиях. Есть сведения об украинском полицейском батальоне, который дислоцировался в Лепельском районе. Образ украинских полицейских в глазах местного населения достаточно нейтральный, поскольку они размещались здесь в начальный период оккупации, когда партизанское движение еще не было масштабным, соответственно, репрессий по отношению к гражданскому населению они не проводили [1]. Упоминаются также латышские полицейские батальоны, однако сведения очень расплывчатые. Жителям Лепельского района запомнились солдаты т.н. «Русской освободительной народной армии» (РОНА) Б. Каминского (*Бронислав Владиславович Каминский*, 1899–1944). Отношение к «каминцам» было двояким: с одной стороны, они воспринимаются как те, кто служил врагу, с другой стороны, оценка может быть достаточно нейтральной, поскольку они надолго стали частью повседневности Лепеля или окрестных деревень, тем более что в рядах РОНА служили насильственно мобилизованные туда местные жители [2]. Вообще на основании воспоминаний реконструировать действия вооруженных формирований достаточно сложно. Опрашиваемые могут путать национальность бойцов полицейских батальонов, вспоминают чехов, финнов, которых в Беларуси не было. Упоминаются голландцы и представители других национальностей, но непонятно, о ком идет речь, о добровольных помощниках вермахта, сотрудниках гражданской администрации или солдатах вооруженных формирований.

С ростом партизанского движения нацисты усилили репрессии против гражданского населения в партизанских зонах, поэтому большинство очевидцев описывают ужасы беженства, многомесячное проживание в землянках в лесу или болоте. Восприятие партизан, в подавляющем большинстве, положительное. Восточная и центральная часть Витебщины являлись регионом масштабного партизанского движения, как правило, в отрядах и бригадах доминировали местные жители, большая часть сельской местности находилась под полным или частичным контролем партизан. Естественно, что партизаны здесь воспринимались как «свои», поэтому в воспоминаниях присутствуют примеры помощи гражданского населения партизанам, многие партизанские отряды подолгу дислоцировались в деревнях, гражданское население включалось в работу по обслуживанию партизан (снабжение продуктами, готовка еды, стирка), оказывало помощь в боевых операциях (разведка, работа проводника-

ми, участие в отрядах самообороны). В воспоминаниях фигурируют имена партизанских командиров, можно проследить, когда в конкретной деревне дислоцировался тот или иной партизанский отряд или бригада. Часто в деревне отряды размещались поочередно, в одном доме могло проживать до 15 партизан [1, 3, 7, 8, 9, 10]. Масштабных реквизиций продуктов в таких деревнях партизаны не производили (хоть изредка было и такое), скот и хлеб, как правило, заготавливались в деревнях вне партизанской зоны, подконтрольных немцам и полиции. Однако в некоторых воспоминаниях образ партизан негативный. Это касается тех граждан, которые проживали в деревнях, подконтрольных оккупационным властям, там, где размещались гарнизоны вермахта и полиции, или в населенных пунктах, находившихся на границе партизанских зон, где действовали и партизаны, и немцы. В таких деревнях партизаны могли терроризировать гражданское население [1, 6, 9].

Воспоминания местных жителей отображают проводимые немцами карательные операции как их реакцию на действия партизан. Даты карательных операций вспоминаются очень приблизительно, но можно определить, в ходе какой именно акции был уничтожен конкретный населенный пункт, проследить судьбу жителей сожженных нацистами деревень. Так, после уничтожения ряда деревень Лепельского района в ходе операции «Коттбус» (*“Kottbus”*) (май–июнь 1943 года) часть граждан была расселена по деревням, подконтрольным оккупационной администрации; другие были вывезены на принудительные работы в Германию, куда в первую очередь отправлялись семьи партизан. Иногда члены семей партизан могли сами соглашаться ехать в Германию, чтобы избежать репрессий. Некоторым эвакуированным удалось позднее вернуться в родные деревни, которые полностью были уничтожены. Жить приходилось в землянках, в редких уцелевших строениях [1, 4, 8, 10]. Несмотря на то, что относительно оккупантов интервьюируемые не имели никаких иллюзий, во многих воспоминаниях описание послевоенной действительности предстает в еще более трагическом виде. Вспоминается тотальный голод (если даже после блокады партизанских районов и сожжения деревень люди могли еще копать картофель на полях, пользоваться уцелевшим скотом, то теперь не было и этого), довоенные налоги, перекладываемые на оставшееся немногочисленное население, тяжелый труд женщин, стариков, подростков и немногих мужчин в разрушенных колхозах [2, 9].

Вне зависимости от того, как сложилась судьба конкретного человека в годы войны, смог ли он пережить военное лихолетье относительно благополучно или испытал на себе нацистскую политику геноцида, этот период своей жизни все опрошенные воспринимают как самый трагический («война для всех была война») [3].

Конечно, любые воспоминания достаточно субъективны. На полноту картины, точность излагаемых фактов влияет ряд факторов, таких как возраст человека, образование, место жительства, социальное положение. Критически следует относиться к трактовке отдельных событий. Мало кто помнит процесс уплаты налогов (но многие помнят случаи мародерства немцев), что можно объяснить тем, что глав хозяйств, которые контактировали с оккупационными властями, уже нет в живых, поскольку это поколение родителей опрашиваемых граждан. Часто вопрос, «учились ли вы в школе», вызывает недоумение или даже негативную реакцию. Затруднена датировка событий, в памяти многих перепутались проводимые немцами блокады, неоднократное прятанье в лесу в землянках от карателей. Более точны воспоминания относительно военного быта. Естественно, что скудный рацион питания, отсутствие промтоваров, трудовая повседневность запомнились. Что-то спустя десятилетия забылось, исказилось под влиянием идеологии, принятой в обществе схемы восприятия военных событий. С другой стороны, необходимо учитывать, что война – это самый страшный период жизни людей, многие события врезались в память. Конечно, большинство опрошенных проживало в «партизанских» деревнях, повседневность которых отличалась от повседневности в других частях Беларуси, и это следует учитывать при реконструкции общей картины жизни и быта населения в годы нацистской оккупации. В то же время, именно потому, что по причине активности партизан коллаборационистская администрация во многих населенных пунктах не функционировала, а значит, архивные источники фрагментарны, воспоминания местных жителей зачастую являются единственным и чрезвычайно важным источником для воссоздания истории периода нацистской оккупации.

Источники

Воспоминания жителей северо-восточной Беларуси записаны Е. Гребенем, аудиозаписи интервью хранятся в личном архиве исследователя.

1. Богданович Владимир Романович интервьюирован в дер. Велевщина Лепельского района 10 июля 2009 года (46 минут на русском языке).
2. Бороденок Татьяна Ивановна интервьюирована в дер. Медвёдовка Лепельского района 13 августа 2007 года (85 минут на русском языке).
3. Грибов Владимир Никифорович интервьюирован в дер. Барань Оршанского района 20 июня 2009 года (94 минуты на русском языке).
4. Дединкина Зинаида Ермолаевна интервьюирована в дер. Малые Трубачи Витебского района 24 августа 2009 года (81 минута на русском языке).
5. Дмитраченко Федор Александрович интервьюирован в дер. Замошье Витебского района 4 июля 2009 года (105 минут на русском языке).
6. Марченко Мария Федоровна интервьюирована в дер. Лапицкие Витебского района 14 августа 2008 года (90 минут на русском языке).
7. Павлова Нина Максимовна интервьюирована в г. Витебске 20 августа 2008 года (79 минут на русском языке).
8. Петько Михаил Иосифович интервьюирован в дер. Велевщина Лепельского района 10 июля 2009 года (44 минуты на русском языке).
9. Санковская Лидия Васильевна интервьюирована в г. Витебске 11 августа 2008 года (67 минут на русском языке).
10. Тарасевич Валентина Филипповна интервьюирована в дер. Велевщина Лепельского района 10 июля 2009 года (71 минута на русском языке).

Kopsavilkums

Mutvārdu vēstures avoti par nacistu okupāciju Baltkrievijā

Baltkrievijas nacistiskās okupācijas aculiecinieku atmiņas ir vērtīgs avots, kurš būtiski papildina arhīva materiālus. Arhīva dokumenti parasti satur okupācijas varas iestāžu rīkojumus, kolaborantu administrācijas atskaites un cita veida administratīvo saraksti, uz kuru pamata nav iespējams pilnā mērā rekonstruēt “mazā cilvēka” ikdienas dzīvi. Mutvārdu vēstures avoti palīdz to izdarīt, ļaujot arī novērtēt vācu okupācijas politikas efektivitāti.

Summary

Oral Sources about the Nazi Occupation of Belarus

Witnesses' memories of Nazi occupation of Belarus are extremely valuable sources supplementing archival materials. Separate archival documents contain, as a rule, orders from the occupying authorities, reports of collaborative administration and other kinds of administrative correspondence, from which it is not possible to fully reconstruct the daily life of the common man. Oral sources allow us to reconstruct the daily lives of the civilian population in order to assess the effectiveness of Nazi occupation policy.